

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

A 873,311

891.78

T65nb

1905

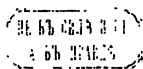
SUR LE MOUVEMENT SOCIAL EN RUSSIE.
par Léon Tolstoy.

Prix: 30 cms; 3 d.; 6 ets.; 30 hell.; 25 Pf.; 12 kon

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Объ общественномъ движеніи
въ Россіи.

Издание „Свободное Слово“.

№ 12.

А. Толстой
Christiansburg, 1886, Leipzig.
1905

ИЗДАНИЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

№		Р. К.
3.	Помогите! Обращеніе къ обществу. П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.	— 12
4.	Положеніе духовоборовъ на Мавназѣ въ 1896 г. П. Бирюкова и В. Черткова.	— 20
5.	Письма Петра Васильевича Ольховина.	— 30
6.	Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? Л. Н. Толстого. (2-ое изданіе).	— 12
7.	Приближеніе конца. Л. Н. Толстого.	— 12
8.	Объ отношеніи къ государству. (3 письма: къ либераламъ и друг.) Л. Н. Толстого.	— 20
9.	Царство Божіе внутри васъ. Л. Н. Толстого. То же, съ портретомъ автора (1902 г.)	1 — 1 50
10.	Христіанское ученіе. Л. Н. Толстого.	— 50
16.	Листки Свободнаго Слова, № 2.	— 20
17.	Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Составилъ Е. Поповъ, съ послѣсловіемъ Л. Н. Толстого.	— 60
18.	Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пу- стой барабанъ. Дорого стоитъ. Л. Н. Толстого.	— 20
19.	Свободное Слово, № 2.	1 —
20.	Листки Свободнаго Слова, № 3.	— 40
21.	Воскресеніе. Романъ Л. Н. Толстого. Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	5 — 1 50
22.	Листки Свободнаго Слова, № 4. „Стыдно“. Л. Н. Толстого.	— 5
23.	Листки Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. Л. Н. Толстого.	— 5
24.	Листки Свободнаго Слова, № 6. О манифеста- ціяхъ въ пользу мира.	— 15
25.	Листки Свободнаго Слова, № 7. Мысли Герцена.	— 5
26.	Листки Свободнаго Слова, № 8. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	— 20
27.	Листки Свободнаго Слова, № 9. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	— 20
28.	О сожженіи оружія. Разсказъ Н. Зибарова.	— 20
29.	Студенческое движеніе 1899 г. Сборникъ подъ редакціей А. и В. Чертковыхъ.	— 30
31.	Листки Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николае- вичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. (Экзекуція. Въ казематѣ, и проч.)	— 10
32.	Листки Свободнаго Слова, № 12. Два письма Л. Н. Толстого. (О религіозномъ воспитаніи и церковномъ обманѣ).	— 10
33.	Листки Свободнаго Слова, № 13. Правитель- ственные насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе безпорядки въ маѣ 1899 года.	— 30
34.	Жизнь и ученіе Іисуса. Л. Н. Толстого.	— 25
35.	Финляндскій разгромъ. Сборникъ подъ редакціей В. Черткова.	— 75

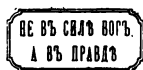
SUR LE MOUVEMENT SOCIAL EN RUSSIE.
par Léon Tolstoy.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Объ общественномъ движеніи въ Россіи.

Изданіе „Свободнаго Слова“.

№ 92.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1905.

891.78

T65nb

1905

Slavic Lany
Strove
4.14.54
87087

Объ общественномъ движеніи въ Россіи.

Два мѣсяца тому назадъ я получилъ телеграмму съ оплаченнымъ на сто словъ отвѣтомъ отъ Сѣверо-Американской газеты, спрашивающей меня о томъ, что я думаю о значеніи, цѣли и *впроятныхъ послѣдствіяхъ земской агитаціи*. Такъ какъ я имѣлъ и имѣю очень опредѣленное и несогласное съ мнѣніемъ большинства мнѣніе объ этомъ предметѣ, я счелъ нужнымъ его высказать.

Я отвѣтилъ такъ:

„Цѣль агитаціи земства — ограниченіе деспотизма и установленіе представительнаго правительства. Достигнуть ли вожаки агитаціи своихъ цѣлей или будутъ только продолжать волновать общество, — въ обоихъ случаяхъ вѣрный результатъ всего этого дѣла будетъ отерочка истиннаго соціальнаго улучшенія, такъ какъ истинное соціальное улучшеніе достигается только религіозно нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ личностей. Политическая же агитация, ставя передъ отдѣльными личностями губительную иллюзію соціальнаго улучшенія, посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ, — что можно замѣтить во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, Франціи, Англіи и Америкѣ“.

Содержаніе этой телеграммы не вполне точно было напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и вслѣдъ

за этимъ я сталъ получать и получаю до сихъ поръ письма съ упреками за выраженную мною мысль и кромѣ того запросы отъ американскихъ, англійскихъ и французскихъ газетъ о томъ, что я думаю о совершающихся теперь въ Россіи событіяхъ. Я хотѣлъ было не отвѣчать ни на тѣ, ни на другія, но послѣ Петербургскаго злодѣянія и тѣхъ сложныхъ чувствъ негодованія, страха, озлобленія и ненависти, которыя это злодѣяніе вызвало въ обществѣ, я счелъ своей обязанностью высказать съ большей подробностью и опредѣленностью то же, что вкратцѣ было высказано мною въ ста словахъ американской газеты. Можетъ быть то, что я имѣю сказать, поможетъ хотя нѣкоторымъ людямъ освободиться отъ тѣхъ мучительныхъ чувствъ осужденія, стыда, раздраженія, ненависти и желанія борьбы, мести и сознанія своей безпомощности, которыя испытываетъ теперь большинство русскихъ людей, и направить ихъ энергію на ту внутреннюю, духовную дѣятельность, которая одна даетъ истинное благо какъ личностямъ, такъ и обществу, и которая теперь тѣмъ болѣе необходима, чѣмъ сложнѣе и тяжелѣе совершающіяся событія.

Думаю я о совершающихся событіяхъ вотъ что:

Не только русское, но всякое правительство я считаю сложнымъ, освященнымъ преданіемъ и обычаемъ, учрежденіемъ для совершенія посредствомъ насилія безнаказанно самыхъ ужасныхъ преступленій, убійствъ, ограбленій, спаиванія, одуренія, развращенія, эксплуатаціи народа богатыми и властвующими; и потому полагаю, что всѣ усилія людей, желающихъ улучшить общественную жизнь, должны быть направлены на освобожденіе себя отъ правилъ, зло и, главное, ненужность которыхъ становятся въ наше время все болѣе и болѣе очевидными. Достигается, по моему мнѣнію, эта цѣль однимъ, только *однимъ единственнымъ средствомъ: внутреннимъ религіозно нравственнымъ совершенствованіемъ отдельныхъ лицъ.*

Чѣмъ выше въ религіозно нравственномъ отношеніи будутъ люди, тѣмъ лучше будутъ тѣ общественныя формы, въ которыя они сложатся, тѣмъ меньше будетъ правительственнаго насилія и совершаемаго имъ зла. И наоборотъ, чѣмъ ниже въ религіозно нравственномъ отношеніи будутъ люди извѣстнаго общества, тѣмъ могущественнѣе будетъ правительство и тѣмъ больше то зло, которое оно совершаетъ.

Такъ что зло, испытываемое людьми отъ злодѣйной правительствъ, всегда пропорціонально религіозно нравственному состоянію общества, какую бы — ту или иную форму ни приняло это общество.

Между тѣмъ нѣкоторые люди, видя все то зло, которое совершаетъ въ настоящее время русское, особенно жестокое, грубое, глупое и лживое правительство, — думаютъ, что происходитъ это оттого, что русское правительство не такъ устроено, какъ они думаютъ, что оно должно бы было быть устроено, — по образцу другихъ существующихъ правительствъ (такихъ же учрежденій для безнаказаннаго совершенія всякаго рода преступленій надъ своими народами); и для исправленія этого люди эти употребляютъ всѣ находящіеся въ ихъ власти средства, воображая, что измѣненіе внѣшнихъ формъ можетъ измѣнить содержаніе.

Дѣятельность такую я считаю *нечеловѣкообразной, неразумной, неправильной* (т. е., что люди приписываютъ себѣ права, которыхъ они не имѣютъ) и *вредной*.

Нечеловѣкообразной я считаю такую дѣятельность потому, что борьба силою и вообще внѣшними проявленіями (а не одной духовной силой) ничтожной горсти людей съ могущественнымъ правительствомъ, отстаивающимъ свою жизнь и имѣющимъ для этого въ своей власти миллионы вооруженныхъ, дисциплинированныхъ людей и миллиарды денегъ, — только смѣшна съ точки зрѣнія возможности успѣха и жалка съ точки зрѣнія гибели тѣхъ несчастныхъ уле-

ченныхъ людей, которые гибнутъ въ этой неравной борьбѣ.

Неразумной я считаю эту дѣятельность потому, что, допустить самое невѣроятное, — т. е. что люди борящіеся теперь съ существующимъ правительствомъ восторжествуютъ, — положеніе людей не можетъ отъ этого улучшиться.

Теперешнее насильническое правительство таково вѣдь только отъ того, что общество, надъ которымъ властвуетъ правительство, состоитъ изъ нравственно слабыхъ людей, изъ которыхъ одни, руководимые честолюбіемъ, корыстью, гордостью, не стѣняясь со-вѣстью, всѣми средствами стараются захватить и удержать власть, а другіе изъ страха, тоже корысти, тщеславія или вслѣдствіе одуренія, помогаютъ первымъ и подчиняются. И потому, какъ бы ни перемѣщались эти люди, въ какую бы форму ни складывались, изъ такихъ людей всегда сложится такое же, столь же насильническое правительство.

Неправильной же я считаю эту дѣятельность потому, что люди, теперь въ Россіи борящіеся противъ правительства, — либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революціонеры и нѣсколько тысячъ оторванныхъ отъ народа и опропагандированныхъ рабочихъ, — называя и считая себя представителями народа, не имѣютъ на это званіе никакого права. Люди эти предъявляютъ правительству во имя народа требованія свободы печати, свободы совѣсти, свободы собраній, отдѣленія церкви отъ государства, восьмичасового рабочаго дня, представительства и т. п. А спросите народъ, большую массу, сто милліоновъ крестьянства о томъ, что они думаютъ объ этихъ требованіяхъ, и настоящий народъ, крестьяне будутъ въ затрудненіи отвѣчать, потому что требованія эти и свободы печати, и свободы собраній, отдѣленія церкви отъ государства, даже восьмичасового дня — для большей массы крестьянства не представляютъ никакого интереса.

Ему не нужно ничего этого, ему нужно другое: то, чего онъ давно ждетъ и желаетъ, о чемъ не переставая думать и говорить, и то, о чемъ нѣтъ ни одного слова во всѣхъ либеральныхъ адресахъ и рѣчахъ и чуть мелькомъ упоминается въ революционныхъ, социалистическихъ программахъ, — онъ ждетъ и желаетъ одного: освобожденія земли отъ права собственности, общности земли. Когда земля не будетъ отнята у него, его дѣти не пойдутъ на фабрики, а если и пойдутъ, сами установятъ себѣ часъ и цѣну.

Говорятъ: дайте свободу и народъ выскажетъ свои требованія. Это неправда. Въ Англіи, Франціи, Америкѣ — полная свобода печати, — но объ освобожденіи земли не говорятъ въ парламентахъ, почти что не говорятъ въ прессѣ, и вопросъ объ общемъ правѣ всего народа на землю остается совершенно на заднемъ планѣ.

И потому либеральные и революціонные дѣятели, составляющіе программы требованій народа, не имѣютъ никакого права считать себя представителями народа: они представляютъ только себя.

Такъ, по моему, нецѣлесообразна, неразумна и неправильна эта дѣятельность; вредна же она тѣмъ, что отвлекаетъ людей отъ той единственной дѣятельности — нравственнаго совершенствованія отдѣльныхъ лицъ — посредствомъ которой и только посредствомъ которой достигаются тѣ цѣли, къ которымъ стремятся люди, борящіеся съ правительствомъ.

Скажутъ: „одно не мѣшаетъ другому“. Но это неправда. Нельзя дѣлать двухъ дѣлъ за разъ: нельзя нравственно совершенствоваться и участвовать въ политическихъ дѣлахъ, вовлекающихъ людей въ интриги, хитрости, борьбу, озлобленіе, доходящее до убійствъ. Дѣятельность политическая не только не содѣйствуетъ освобожденію людей отъ насилій правительства, но, напротивъ, дѣлаетъ людей все болѣе и болѣе неспособными къ той единственной дѣятельности, которая можетъ освободить ихъ.

До тѣхъ поръ пока люди будутъ неспособны устоять противъ соблазновъ страха, одуренія, корысти, честолюбія, тщеславія, которыя порабащаютъ однихъ и развращаютъ другихъ, они всегда сложатся въ общество насилующихъ, обманывающихъ и насилуемыхъ и обманываемыхъ. Для того, чтобы этого не было, каждому человѣку надо сдѣлать нравственное усиліе надъ самимъ собой. Люди сознаютъ это въ глубинѣ души, но имъ хочется какъ нибудь помимо усилія достигнуть того, что достигается только усиліемъ.

Выяснить своими усиліями свое отношеніе къ міру и держаться его, установить свое отношеніе къ людямъ на основаніи вѣчнаго закона дѣланія другому того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, подавлять въ себѣ тѣ дурныя страсти, которыя подчиняютъ насъ власти другихъ людей, не быть ничѣмъ господиномъ и ничѣмъ рабомъ, не притворяться, не лгать, ни ради страха, ни выгоды, не отступать отъ требованій высшаго закона своей совѣсти, — все это требуетъ усилій; вообразить же себѣ, что установленіе извѣстныхъ формъ какимъ то мистическимъ путемъ приведетъ всѣхъ людей, въ томъ числѣ и меня, ко всякой справедливости и добродѣтели, и для достиженія этого, не дѣлая усилій мысли, повторять то, что говорятъ всѣ люди одной партіи, суетиться, спорить, лгать, притворяться, браниться и драться, — все это дѣлается само собою и для этого не нужно усилія.

Людямъ такъ хочется, чтобы это было, что они увѣряютъ себя, что это и есть. И вотъ является такая теорія, по которой доказывается, что люди могутъ безъ усилія достигнуть плодовъ усилія. Теорія совершенно подобная той, по которой молитва о своемъ совершенствованіи, вѣра въ искупленіе грѣховъ кровью Христа или въ благодать, передаваемую таинствами, могутъ замѣнить личное усиліе. На этой же психологической иллюзіи основана и та удивительная теорія объ улучшеніи общественной жизни

посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, которая произвела и производитъ такія ужасныя бѣдствія и болѣе всего другого задерживаетъ истинный прогрессъ человѣчества.

Люди сознають, что въ ихъ жизни что-то нехорошо и что что-то надо улучшить. Улучшать же человѣкъ можетъ только то одно, что въ его власти, — самого себя. Но для того, чтобы улучшить самого себя, надо прежде всего признать, что я нехорошъ; а этого не хочется. И вотъ все вниманіе обращается не на то, что всегда въ своей власти, — не на себя, а на тѣ внѣшнія условія, которыя не въ нашей власти, и измѣненіе которыхъ такъ же мало можетъ улучшить положеніе людей, какъ взбалтываніе вина и переливаніе его въ другой сосудъ не можетъ измѣнить его качества. И начинается, во первыхъ, праздная, а во вторыхъ вредная, гордая (мы исправляемъ другихъ людей) и злая (можно убить людей, мѣшающихъ общему благу), развращающая дѣятельность.

„Перестроимъ общественныя формы, и общество будетъ благоденствовать.“ Хорошо бы было, если бы такъ легко достигалось благо человѣчества. Къ несчастію, или скорѣе къ счастью (потому что если бы одни люди могли устраивать жизнь другихъ, эти другіе были бы самые несчастные люди), — къ счастью это не такъ: жизнь человѣческая измѣняется не отъ измѣненія внѣшнихъ формъ, а только отъ внутренней работы каждаго человѣка надъ самимъ собой. Всякое же усиліе воздѣйствія на внѣшнія формы или на другихъ людей, не измѣняя положенія другихъ людей, только развращаетъ, умаляетъ жизнь того, кто, — какъ всѣ тѣ политическіе дѣятели, короли, министры, президенты, члены парламентовъ, всякаго рода революціонеры, либералы, — отдается этому губительному заблужденію.

Поверхностно судящіе, легкомысленные люди, особенно взволнованные совершившейся на дняхъ въ

Петербургъ братоубійственной бойней и всѣми сопровождавшими это злодѣяніе событіями, думаютъ, что главная причина этихъ событій въ деспотизмъ русскаго правительства и что если бы самодержавная, монархическая форма русскаго правительства была замѣнена конституціонной или республиканской, такіа событія не могли бы повторяться.

Но вѣдь главное (если вникнуть во все его значеніе) бѣдствіе, отъ котораго страдаетъ теперь русскій народъ, это не петербургскія событія, а затѣянная десяткомъ безнравственныхъ людей, легкомысленная, постыдная и жестокая война. Война эта уже погубила и искалѣчила сотни тысячъ русскихъ людей, угрожаетъ уничтожить и искалѣчить еще столько же; разорила и раззоряетъ не только людей настоящаго времени, но накладываетъ еще огромный, въ видѣ долговъ, налогъ на трудъ будущихъ поколѣній и губить души людей, развращая ихъ. То, что было въ Петербургѣ 9-го января, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается тамъ. Тамъ, на войнѣ убивается и калѣчится въ сотни разъ большее число людей, чѣмъ то, которое погибло 9-го января въ Петербургѣ. И гибель этихъ людей тамъ не только не возмущаетъ общества, какъ убійства въ Петербургѣ, но большая часть общества равнодушно, а часть его даже сочувственно смотритъ на то, что новыя и новыя тысячи людей гонятся туда для такого же бессмысленнаго, безцѣльнаго уничтоженія.

Бѣдствіе это ужасно. И потому, если ужъ говорить о бѣдствіяхъ русскаго народа, то главное бѣдствіе — это война, а петербургскія событія — только невольное, сопутствующее большому бѣдствію обстоятельство, и, если отыскивать средства избавленія отъ бѣдствій, то надо найти такіа, которыя избавляли бы отъ обоихъ бѣдствій. Перемѣна же деспотической формы правленія на конституціонную или республиканскую не избавитъ Россію ни отъ того, ни отъ другого бѣдствія. Всѣ конституціонныя го-

сударства точно такъ же, какъ и русское, не переставая безсмысленно вооружаются и точно такъ же, какъ и русское, когда это вздумается нѣсколькимъ людямъ, имѣющимъ власть, посылаютъ свои народы на братоубійства. Абиссинская, Бурская, Испанская, война съ Кубой, Филиппинами, Китай, Тибетъ, война съ Африканскими народами — все это войны, веденныя самими конституціонными и республиканскими правительствами, и точно такъ же всѣ эти правительства, когда находятъ это нужнымъ, подавляютъ вооруженной силой тѣ возстанія и проявленія воли народовъ, которыя они считаютъ нарушеніемъ законности, т. е. — того, что эти правительства въ данную минуту считаютъ закономъ.

Когда въ государствѣ, съ какой бы то ни было конституціей, существуетъ организація насильнической власти, которая тѣми или иными приемами можетъ быть захвачена нѣсколькими людьми, всегда происходить и будутъ происходить, въ той или иной формѣ, такія же событія, какъ тѣ, которыя происходятъ теперь въ Россіи — и война и подавленіе возстаній.

Такъ что значеніе происходившихъ въ Петербургѣ событій совсѣмъ не въ томъ, какъ это думаютъ легкомысленные люди, что событія эти показали намъ особенную зловредность русскаго деспотическаго правительства, и что поэтому надо постараться замѣнить русское деспотическое правительство конституціоннымъ. Значеніе этихъ событій гораздо важнѣе: оно заключается въ томъ, что по дѣйствіямъ особенно глупаго и грубаго русскаго правительства намъ яснѣе, чѣмъ по дѣйствіямъ другихъ болѣе приличныхъ правительствъ, зловредность и ненужность не такого или иного, а *всякаго* правительства, т. е. собранія имѣющихъ возможность заставлять подчиняться своей волѣ большинство народа.

Въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Германіи зловредность правительствъ такъ замаскирована, что люди

этихъ народовъ, указывая на событія въ Россіи, наивно воображаютъ, что то, что дѣлается въ Россіи, дѣлается только въ Россіи, а что они пользуются совершенной свободой и не нуждаются ни въ какомъ улучшеніи своего положенія, т. е. находятся въ самомъ безнадежномъ состояніи рабства. — рабства рабовъ, не понимающихъ того, что они рабы, и гордящихся своимъ положеніемъ рабовъ.

Положеніе насъ, русскихъ, въ этомъ отношеніи и тяжелѣе (въ томъ отношеніи, что совершаемыя насилія грубѣе) и лучше въ томъ, что намъ легче понять въ чемъ дѣло.

Отношеніе, положеніе и настроеніе русскихъ людей и европейскихъ и въ особенности американскихъ, совершенно такое, какъ описывается отношеніе, положеніе и настроеніе двухъ людей, вошедшихъ въ храмъ, про которыхъ разсказывается въ евангеліи Луки гл. XVIII, ст. 10, 11, 13 (фарисей и мытарь).

Дѣло въ томъ, что всякое насильническое правительство по существу своему ненужное, великое зло и что поэтому дѣло, какъ насъ, русскихъ, такъ и всѣхъ людей, поработенныхъ правительствами, не въ томъ, чтобы замѣнить одну форму правительства другой, а въ томъ, чтобы избавиться отъ всякаго правительства, уничтожить его.

Такъ что мнѣніе мое о совершающихся теперь въ Россіи событіяхъ такое: русское правительство, какъ всякое правительство, есть ужасный, безчеловѣчный и могущественный разбойникъ, зловредная дѣятельность котораго не переставая проявлялась и проявляется точно такъ же, какъ зловредная дѣятельность всѣхъ существующихъ правительствъ: американскаго, французскаго, японскаго, англійскаго. И потому всѣмъ разумнымъ людямъ надо всѣми силами стараться избавиться отъ всякихъ правительствъ, и русскимъ людямъ отъ русскаго.

Для того же, чтобы избавиться отъ правительствъ, надо не бороться съ ними внѣшними средствами (до

смѣшного ничтожными въ сравненіи съ средствами правительствъ), а надо только не участвовать въ нихъ и не поддерживать ихъ. Тогда они будутъ уничтожены.

Для того же, чтобы не участвовать въ правительствахъ и не поддерживать ихъ, надо быть свободнымъ отъ тѣхъ слабостей, по которымъ люди попадаютъ въ сѣти правительствъ и дѣлаются рабами или участниками ихъ.

А быть свободнымъ отъ тѣхъ слабостей, которыя дѣлаютъ людей рабами и участниками правительствъ, можетъ только человѣкъ, установившій свое отношеніе ко Всему, къ Богу, и живущій по единому, высшему закону, вытекающему изъ этого отношенія, т. е. человѣкъ религіозно нравственный.

И потому тѣмъ яснѣ видятъ и чувствуютъ люди зло правительствъ, — какъ теперь мы, русскіе люди, особенно ясно, болѣзненно чувствуемъ зло глупаго, жестокаго и дживаго русскаго правительства, погубившаго уже сотни тысячъ людей, разоряющаго и развращающаго милліоны людей и начинающаго уже вызывать русскихъ людей на убійство другъ друга, — тѣмъ напряженнѣ должны мы стараться установить въ себѣ ясное и твердое религіозное сознаніе, и тѣмъ неуклоннѣ исполнять вытекающій изъ этого сознанія законъ Бога, не требующій отъ насъ исправленія существующаго правительства или установленія такого общественнаго устройства, которое по нашимъ ограниченнымъ взглядамъ обезпечиваетъ общее благо, а требующій отъ насъ только одного: нравственнаго самосовершенствованія, т. е. освобожденія себя отъ всѣхъ тѣхъ слабостей и пороковъ, которые дѣлаютъ насъ рабами правительствъ и участниками ихъ преступленій.

Я кончилъ эту замѣтку и былъ въ нерѣшительности — публиковать или не публиковать ее, когда получилъ замѣчательное, не подписанное письмо.

Вотъ это письмо:

„Который день не могу справиться съ собою.

„Когда кто начинаетъ говорить о рабочихъ, начинаю его ненавидѣть и дѣлаюсь физически скверно.

„Были и груды труповъ, и женщины, и дѣти, которыхъ окровавленныхъ везли на извозчикахъ. Но развѣ *это* страшно? Страшны солдаты съ своими обыкновенными, недумающими и непонимающими добрыми лицами, какъ они припрыгиваютъ на морозѣ и ждутъ команды въ кого то стрѣлять. Страшна публика тоже съ обыкновенными, любопытными лицами. Даже самые добрые люди идутъ, чтобы увидѣть самимъ, или отъ другихъ узнать про что нибудь „ужасное“ — окровавленные, разрубленные трупы и т. д... Точно можетъ быть что нибудь страшнѣе этихъ солдатъ, которые *какъ всегда*, и этихъ добрыхъ людей, которымъ хочется одного — чтобы нервы содрогнулись отъ чего нибудь ужаснаго.

„Я не могу опредѣлить, что тутъ самое страшное; кажется тѣ, что они *не понимаютъ* и что у нихъ *обыкновенныя* лица, несмотря на то, что черезъ часъ будутъ убиты люди и вездѣ на камняхъ кровь. Кажется самое страшное ощущать, что между людьми *нѣтъ никакой связи*, кажется это самое страшное.

„Изъ той же деревни, только одни въ сѣрой шинели, а другіе въ черномъ пальто, и никакъ не можешь понять, почему сѣрые шутятъ о морозѣ и мирно поглядываютъ на идущихъ мимо нихъ черныхъ людей, когда они не только знаютъ, что у каждаго изъ нихъ патроны на десять выстрѣловъ; но знаютъ и то, что черезъ часъ, два всѣ эти патроны будутъ истрачены. И черные люди смотрятъ на нихъ, точно такъ тому и быть должно. Объ этомъ *разоблачающемъ* людей читаешь въ книгахъ, говоришь и не чувствуешь, какъ это страшно; а когда все это вокругъ тебя и, какъ эти дни, на время все другое перестало существовать, а есть *только* это одно: сѣрыя шинели, черныя пальто и нарядныя шубы, и всѣ они заняты

однимъ, но всё *по разному*, никого это не удивляетъ, никто изъ нихъ не знаетъ, почему одни стрѣляютъ, другіе падаютъ, а третьи смотрятъ. И въ другое время — та же страшная и непонятная жизнь, гдѣ въ порядкѣ вещей убивать по командѣ безъ всякой вражды и ненависти: но эти дни все остальное остановилось на время и осталось только это страшное. Такое чувство, точно отъ каждого человѣка тебя отдѣляетъ пропасть, и ея не перейти, хоть ты и со всѣмъ близко. Это чувство невыносимо.

„Разъ пять принималась писать вамъ и бросала и въ концѣ концовъ все таки пишу. Можетъ быть просто потому, что непереносимо молчать изо дня въ день. Всѣ говорятъ о помощи рабочимъ и сочувствуютъ будто бы. Но ужасно не положеніе рабочихъ, и помощь нужна не имъ, а тѣмъ, кто стрѣлялъ и топталъ людей, и тѣмъ, кто на другой день гулялъ и смотрѣлъ на разбитыя стекла, фонари, на слѣды пуль, и не видѣлъ замерзшей крови на тротуарѣ и шаркалъ по ней ногами.“

Да, все дѣло въ томъ, что есть что-то, что *разобщаетъ* людей, и что нѣтъ связи между людьми. Все дѣло въ томъ, чтобы устранить то, что разобщаетъ людей и поставить на это мѣсто то, что соединяетъ ихъ. Разобщаетъ же людей *всякая* внѣшняя, насильническая форма правленія, соединяетъ же ихъ одно: отношеніе къ Богу и стремленіе къ Нему, потому что Богъ одинъ для всѣхъ и отношеніе всѣхъ людей къ Богу одно и то же.

Хотятъ или не хотятъ признавать это люди, передъ всѣми нами стоитъ одинъ и тотъ же идеалъ высшаго совершенствованія, и только стремленіе къ нему уничтожаетъ разобщеніе и приближаетъ насъ другъ къ другу.

Левъ Толстой.

2/15 Февраля 1905 гда.
Ясная Поляна.
